

Песок. Он был везде. Шуршал подобно сотням тысяч насекомых, пытался проникнуть во все основные отверстия головы, не прикрытые глуповатой няней, что вместо выполнения своих обязанностей делилась слухами с медиком. Который давно уже должен был покинуть детскую. Обязанности он свои выполнил, только спать мешает.

"Да чтоб вам всем пусто было!" – мысленно воскликнул мужчина в разуме младенца. Тело отреагировало громким плачем, который дамочки полностью проигнорировали.

Что за халатность?! Может ребенок умирает сейчас? Почему никто на него не обращает внимания?!

Кричать долго не вышло, в горле запершило от попавшего туда неведомо как песка. Оставалось только зло зыркать по сторонам, обещая взглядом безответственным взрослым все кары небесные.

К сожалению, Ивану только и оставалось, что злиться. Будучи младенцем, он кроме этого ничего поделать не мог. Даже кричать долго из-за песка не получается. Однако в этот раз крик подействовал, что бывает редко.

Нянечка достала маленького озлобленного русского из кроватки, раздела догола и принялась обмывать холодной водой, напевая мягким голоском незатейливую мелодию.

Местного языка Иван не знал, но что-то в нем было знакомое, понять что именно пока не удавалось. Вообще Ивану было очень тяжело думать сложными категориями, начинала болеть голова и клонить в сон.

Вот и сейчас после некоторых мысленных усилий Ивана вырубило.

Снился дом, внучок Ванюша, из-за которого Иван Иванович старший и оказался в подобной ситуации, отец, тоже Иван. Оба несли какую-то чушь, которая по пробуждению мгновенно выветрилась из сознания.

Проснулся Иван от прикосновений теплых рук. Приятной наружности женщина с каштановыми волосами и бездонными синими глазами, полнящимися заботой и любовью, прижала его к себе и шепотом говорила что-то невидимому для Ивана собеседнику.

Мама... В груди Ивана потеплело. Он не знал материнской любви. Его мама из того мира сгорела родами, не оставив после себя ни одной фотографии. Ту женщину, с которой позже сошелся отец, Иван за мать не признал. Та еще тварь была.

Воспоминание о прошлом всколыхнуло что-то внутри заключенного в теле младенца мужчины. Горькая обида и сожаление буквально затопили его мозг. Приправленные сильным голодом они вызвали настоящую истерику.

Только получив в рот материнский сосок и втянув пару глотков теплого молока, Иван смог прийти в себя.

"Это детское тело убивает меня..." – горько думал он. Как долго он сможет сохранять себя, прежде чем впадет в детство?

Иван сомневался, что ему удастся сохранить свою личность в полной мере. Слишком сильно давление эмоций. Слишком много времени он проводит во сне, и после каждого теряет частичку своей личности. И ничего поделать нельзя, ведь против природы не попрешь. Даже

пластичный детский разум не в состоянии принять массив его тяжёлой от опыта прожитых лет личности.

Сохранить хотя бы воспоминания.... Хотя бы их.

Отчего так. Почему он здесь? Вопросы, на которых нет ответов. Неизвестно, что произошло во время переноса сознания в тело клона. Ошибка ли это внука, или интрига детишек той твари, что так и не смогла добраться до компании отца?

Это уже не должно волновать Ивана Ивановича Иванова Старшего. Ныне существуют проблемы серьезней.

Например, понять где он очутился. Разузнать побольше о себе и родителях, а для этого нужно сперва выучить этот непонятный язык.

Но как это сделать, если взрослые не хотят облегчать ему задачу? Говорят очень быстро, глотают некоторые слова и шепчут... шепчут и шепчут! Все постоянно шепчут! Ни черта не разобрать.

Между тем мозолистые руки вырвали его из объятий матери.

"Эй, я еще не доел!" - пискнул Иван, негодуя.

Этот некто положил Ивана на холодную поверхность стола, через некоторое время подошел кто-то еще и начал водить светящейся ладонью над его телом. Салатовый свет от ладони постоянно слепил и не давал разглядеть происходящее. А посмотреть определенно было на что.

"Магия..." - был ошарашен Иван. На него воздействуют самой настоящей магией.

Маленькие ручки с трудом слушались разума, но приложив определенные усилия, Ивану удалось поймать руку неизвестного... точнее неизвестной. Не молодая женщина с глубокими морщинами у глаз удивленно пялилась на Ивана строгим взглядом.

Он услышал мягкий смех матери и смешки какого-то мужчины, возможно отца. Посмотрев в сторону мужчины, Иван в силу своего расфокусированного перевернутого зрения не смог разглядеть его внешность. Только то, что он был не очень высок, ростом где-то с маму, по крайне мере Ивану так показалось.

Мужчина что-то спросил у пожилой женщины, она разразилась длинной тирадой, после которой некоторое время стояла полная тишина. Мать больше не смеялась.

Тишина действовала на Ивана угнетающе. Он буквально ощущал, что продлись стресс еще хоть немного дольше, и начнется очередная истерика. Дабы этого не произошло, он начал ощупывать мозолистую ладонь женщины, точнее пытался схватить свет, что исходил из её руки.

Странное ощущения он испытал от этого света. Нечто эфемерное, еле улавливаемое, словно плотный газ, но при этом не газ. Понять свои ощущения от этой субстанции ему никак не удавалось.

Но вот женщина осторожно вырвала свою руку из его ладошек. Взяла Ивана в руки и передала мужчине.

Это был женственного вида голубоглазый мужчина, шатен. И он был буквально вылитая копия матери!

"Это родственник матери? Тогда где отец?" – задал сам себе вопросы Иван. Мужчина добродушно улыбался и что-то говорил. Через пару минут, покачивая Ивана на руках, передал матери.

Вдруг стало обидно. Непроизвольно Иван вытянул руки в сторону мужчины, издал пару неразборчивых звуков. Непонятно почему тело Ивана повело себя именно так, сам Иван ничего такого делать не хотел.

И вновь помещение заполнилось радостным смехом взрослых. Притом смеялись лишь два голоса. Мать и... дядя, брат, кузен? Пожилой женщины слышно не было.

Веселье заиграло в душе Ивана, и он не смог сдержать радостный и счастливый смех. С этим смехом уходили тревоги и страхи, а вместе с ними Ваня терял и маленькие частицы себя.

Однако больше об этом он не думал. Для него сейчас существовали лишь мама, дядя и свет счастья, стирающий тени тревог о будущем.

Дни летели один за другим, складываясь в недели. Не успел Ваня глазом моргнуть, как уже ползал кругами по мягкому ковру. Говорить он еще, разумеется, не мог. Но немного понимал, о чем говорят окружающие. Нужно сказать спасибо маленькой милой блондинистой особе с большущими темно-зелеными глазами, смотрящими на мир с восторгом и любопытством. Маленькая девочка, которую однажды к его люльке привел под ручку дядя, еще с трудом ходила, но уже умела говорить. Говорить что важно громко, местами четко, и часто. Очень часто и много. Обо всем на свете.

Сперва Ваня подумал, что девочка его кузина, раз была приведена дядей, но нет. Это была его родная старшая сестра. У Ивана никогда не было сестры, лишь кузина, но с той он практически не общался. Сам не понимая почему, но он проникся к девочке симпатией, казалось, всегда её знал. Хотелось уберечь малышку от всех невзгод.

Именно благодаря ей Ваня и узнал свое имя.

Канкуро - таким именем одарили его родители. После некоторых размышлений, Иван решил принять это имя. Раз жизнь у него новая, то и имя должно быть новое.

Он стал даже в мыслях обращаться к себе как к Канкуро. Было очень сложно, но он старался. Не хватало еще потом в силу своей детской непосредственности, что с каждым днем проявлялась все сильнее, проговориться. Отвечать на неудобные вопросы ему совсем не хотелось. Мало ли как здесь поступают с помнящими свою прошлую жизнь. Подумают еще что в него вселился демон и выкинут где-нибудь в песках.

Вот была бы неприятность...

Сестру, кстати, звали Темаричан. Так к ней обращалась мама. Имени мамы и отца разузнать не удалось, разве что понять как звучат "мама" и "отец" на здешнем языке, опять же спасибо Темаричан. Об отце Темаричан вообще практически не говорила, больше о дяде и матери. Зато о них трещала без умолку. Особенно о дяде, который, похоже, с ней и возился постоянно. Иногда делилась со всеми своими наблюдениями и задавала просто гигантское количество вопросов. Вообще для девочки лишь немногим старше года, Темаричан была очень общительной и знала много слов. И выглядела немного старше своего года, уж кто-кто, а Иван,

вырастивший трех дочерей, в вопросе разбирался.

У самого мальчика с общением и разговором было туго. В свои два месяца Канкуро только и мог разве что выдать корявые слова "мама", "дядя" и "сестренка". Притом слово "сестренка" получилось выдавить из себя первым. Радости Темаричан не было предела!

Однажды, в одно не самое приятно утро, к Канкуро в комнату завалился хмурый мужчина необычной внешности, у него были тускло красные волосы, словно покрытые ржавчиной, с холодным взглядом матерого убийцы. Сказать, что Канкуро испугался, ничего не сказать.

А когда мужчина взял его на руки и начал рассматривать как какую-то животину, крутить и так, и этак, Канкуро уловил от него странный запах.

Но мальчик был так напуган неожиданным вторжением, что не смог понять, чем от мужчины пахло. Стыдно сказать, от страха Канкуро описал мужчину, но никаких последствий за этим не последовало. Лишь края губ мужчины немного дрогнули.

Радостный крик сестры, влетевшей в комнату подобно маленькому урагану и слово "папа" из её уст поставило все на свои места.

Канкуро стал с интересом разглядывать человека, благодаря которому он появился на свет и не испытывает нужды.

Отец был... своеобразным человеком. Серьёзный, с холодным взглядом карих глаз и бледно красными волосами, он чем-то неуловимым напоминал Канкуро его деда из того, иного, мира. Было между холодным молодым мужчиной, пропахшим кровью и улыбчивым грузным дедом с печальной улыбкой и восторженным взглядом что-то общее. Нечто, делающие столь разных людей очень похожими. И со временем, в процессе знакомства с отцом, это чувство становилось все острее.

Отец не часто навещал Канкуро и Темаричан. От силы раз-два в месяц, не чаще. Из оговорок матери и дяди, Канкуро понял, что отец, Раса, очень важный человек в деревне. Староста, что ли?

По мнению Канкуро не подходил под образ деревенского старосты. Скорее был похож на какого-то аристократа. Да и отношение окружающих, особенно служанок и медиков, что были частыми гостями в их доме, намекало.

Медики. Эти ребята были головной болью мальчика. Каждую неделю они брали у Канкуро кровь, оставляли лежать на холодном полу и бегали вокруг, что-то шамая. Один раз вообще опустили в вязкую жидкость с головой на секунд десять. Как Канкуро не задохнулся одному богу известно. Не удивительно, что здешние работники шприца и скальпеля стали ассоциироваться с неприятностями и болью. Каждый раз видя мужчину или женщину в смешном песчанного цвета чепчике, Канкуро хотелось устроить истерику и расплакаться. Пару раз он не смог удерживать своих чувств, чем подставил людей всего лишь делавших свою работу. Позже Канкуро было очень стыдно за свое детское поведение. Он расплакался, а на медиков накричала мама и черт его знает, может их даже поувольняли всех. По крайней мере тех мужчин и женщин, что довели его до слез, Канкуро больше никогда не видел.

Время шло. Канкуро рос и медики приходили все реже, а взгляд Раса становился все грустнее и грустнее. А потом и вовсе отец стал смотреть на мальчика с нескрываемым разочарованием.

Чем шестимесячный ребенок мог расстроить отца, выяснить было нереально. Вроде бы и рано

научился говорить и ходить, ведет себя хорошо, почти не капризничает и слушается маму. Дружит с сестрой. Чудо, а не ребенок. Даже дядя, не смотря на свою веселость и общительность скупой на похвалу человек, отмечал талант мальчика. Разве отец не должен радоваться успехам дитя? Сам Иван, когда его дочери начинали ходить испытывал настоящий восторг и гордился их успехами, не смотря даже на то, что старшенькая и младшенькая немного отстали в этом плане от сверстников. Но Ивану, как отцу одиночке было плевать на остальных. Он просто гордился дочерьми и хвалился ими на работе. Как его сотрудники еще не прибили, настолько он их достал, остается загадкой.

Но Раса словно махнул на Канкуро рукой. Практически перестал уделять мальчику время, переключившись на жену и дочь. О чем речь, если Раса сказал сыну от силы пару слов.

Как-то раз Канкуро не смог сдержать любопытство и спросил маму. Было это одним прохладным субботним вечером, Темаричан возилась с куклами в песочном пруду рядышком, мама что-то вышивала и напевала себе под нос незамысловатую песенку.

Кое-как, по стеночке, дойдя до матери, при этом каким-то образом оставшись незамеченным, он подергал её за платье.

- Канкуро, сынок, как ты выбрался из кровати? – удивилась мать. – Соскучился по мне, иди сюда.

Отложив вышивку в сторону, она посадила Канкуро себе на колени и начала гладить его по волосам. Почему-то маме нравилось играть с его жесткими непослушными волосами. Прищурившись, Канкуро наслаждался ощущениями тепла и заботы. Как же он любил свою мать, не передать словами. В её присутствии он забывал вообще обо всем на свете. Возможно и сейчас бы забыл, да только вопрос как-то сам сорвался с губ. Что ни говори, но узнать причину недовольства отца очень сильно хотелось.

- Мама... я чем-то расстроил папу? – с трудом выговаривая слова, спросил мальчик у матери.

Рука женщины застыла. Канкуро даже испугался, что каким-то образом обидел маму. Есть три человека в его нынешней жизни, кого Канкуро по-настоящему любил и ценил. Ценил и любил настолько, что страшился даже случайным словом испортить им настроение.

И Карура, его мать, одна из этих трех.

- Конечно же, ты не мог его расстроить. Просто у папы сейчас много работы и он не может часто с вами видаться, - очень ласково прошептала женщина, ловко уходя от ответа. – Он не просто ниндзя. Он Кадзекаге. Самый сильный и ответственный человек нашей Суны, вы должны гордиться им. Ведь именно благодаря ему наша деревня процветает.

Канкуро и раньше слышал термины "Кадзекаге" и "Суна". Но что они означают, не знал, хоть и догадывался что первое титул, второе название местности, где живет их семья.

- Мама, а что такое Кадзекаге и Суна? – затаил дыхание Канкуро. Неужели сейчас ему немного приоткрою тайну этого мира?

Кто такие ниндзя, что такое чакра, которой облучали его медики, отчего Канкуро и Темаричан растут быстрее, нежели дети из прошлого мира Ивана? У Канкуро было множество вопросов, на которые ему очень хотелось получить честный и полный ответ. К сожалению, со стороны мамы Канкуро был всего лишь ребенком, и объясняла она так, чтобы понял ребенок. То есть сильно упрощенно.

- Ты такой любознательный, Канкуро, весь в деда, - умилялась женщина. - Он был таким же умным и добрым мужчиной. Сильным ниндзя и защищал нас с братом от тягостей жизни, - улыбаясь, погрузилась в воспоминания Карура. Сейчас она как никогда выглядела милой и доброй.

- Кадзекаге, это титул, что получает самый отважный и сильный ниндзя своего поколения. Только тот, чьи заслуги признало большинство ниндзя Суны, может претендовать на шляпу Кадзекаге. И ваш отец заслужил это звание, став самым молодым Кадзекаге за всю историю.

- Правда? Папа сильный? - смешно морщилась сестра, невиданным образом материализовавшаяся рядом с мамой. По крайней мере Канкуро не заметил как она подошла.

- Только сильный ниндзя может быть выбран Каге, но выбирают не самого сильного. Важно иметь ум, чтобы правильно эту силу применять и мудрость, чтобы избежать ситуации требующей применения силы, - бархатным голосом поведала мама.

- Поэтому папа так мало бывает дома? - открыв рот слушала Темаричан. - Он думает как бы не применить свою крутую силу?

- Верно, Темари, - немного дрогнул голос женщины. - Все верно. Ваш папа и рад бы проводить с вами больше времени, но у него есть обязанности перед всеми жителями деревни.

Канкуро тем временем был немного запутан. Почему мама зовет Темаричан Темари? К сожалению, этот вопрос заслонил собой все остальные и он упустил по настоящему важный момент.

- Мама, сестренку зовут Темаричан или Темари? - непоседливо поерзал Канкуро на коленях женщины.

Карура звонко засмеялась, в то время как сестра обиженно засопела.

- Ох, Канкуро, ты как скажешь, - вытерла женщина выступившую слезу. - Милый, "чан" это суффикс, добавляемый к имени для обозначения отношения к собеседнику. Например, суффикс "чан" - очень ласковое обращение к близким людям.

Канкуро кивнул. Он понял. Вдруг захотелось послушать мамин смех. И он знал как его спровоцировать.

- То есть, мама-чан и Темаричан-чан, - нахмурился он. - Сестренка, можно я буду называть тебя просто Чан-чан?

Последующий взрыв смеха не ожидал даже Канкуро. Шутка была так себе, но она попала точно в цель. Мама смеялась так сильно, что со второго этажа прибежал перепуганный дядя Яшамару.

У него было такое уморительное лицо, что Канкуро не выдержал и засмеялся сам. Темари же, которая по идее должна был быть обижена или недовольна, также смеялась в голос.

Бедный Яшамару. На него жалко было смотреть. Учитывая, что он был точная копия мамы, и то, что он, очень грустный и обиженный, пытался достучаться до сестры, стоя напротив неё, словно кривое отражение веселой Карура, добавляло ситуации комичности.

Таким образом, Темари получила семейное прозвище Чан-чан, а настроение мамы и дяди

поднималось, стоило только Канкуро обратиться к сестре по прозвищу.

Такой он маму и запомнил. Веселой, улыбчивой и радостной. Запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Даже сейчас, смотря на её бледное спокойное лицо, Канкуро видел веселую жизнерадостную женщину, любящую посмеяться над плохенькими шуточками своего глупого сынишки.

"Как же так..." - раз за разом повторял мальчик, не моргая, смотря на мать. Такую спокойную и такую холодную. Она не должна быть такой. Она должна смеяться и улыбаться!

"Почему именно она? Почему именно таким образом? Почему все повторяется вновь и вновь?!" - билось в его сознании. Эти мысли выпивали силы мальчика, еще чуть-чуть и он не выдержит их тяжести.

Ощувив на плече ладонь, он поднял взгляд вверх. Такое знакомое лицо. Но не её.

Вдруг мальчику захотелось, чтобы это оказалось не правдой, чтобы там, на постаменте сложенном из сухого топлива лежал он, её близнец, а она стояла рядом и утешала огорченных детей. Пускай грустная от утраты, пускай. Но живая.

"Нет. Нельзя так!" - до боли сжал кулаки Канкуро. Опустил взгляд в пол.

Боль, сомнения и злость на себя смешались в душе мальчика в жуткий коктейль. Необходимо было выплеснуть эти чувства плачем ли, истерикой ли, неважно как, но не держать в себе. Однако Канкуро не желал оскорблять мать подобным отношением. Мама всегда говорила ему, что мужчины не плачут. Бред, но Канкуро принял её бред и поверил в него всей своей душой. Мужчины не плачут. Он не заплачет.

И Канкуро знал единственный способ заглушить тоску - злость.

- Отец не придет, верно, - не спрашивал, а констатировал Канкуро. Не то, что ему был важен человек, повинный в смерти матери, наоборот, Канкуро не желал его видеть, ни сейчас, ни когда бы то ни было! Сейчас он ненавидел Раса каждой частицей своей души и тела. Больше чем кого бы то ни было!

Но то, что Канкуро не нужен Раса, не означает, что он не нужен Темари.

Сестра, ей сейчас намного хуже. Ведь девочка впервые сталкивается со смертью! И даже после объяснений дяди все еще не может поверить в случившееся. Все ждет что мама проснётся, и мы все вместе пойдем домой... Но мама не проснется. Мамы больше нет. Сестра была подавлена и запутана. Канкуро хотелось обнять её и успокоить, но он не мог сдвинуться с места. Все его внимание было на маме. Канкуро пытался выжечь её лик в своем разуме. Он запомнит её и не забудет никогда! Никогда!!!

- Ваш отец сейчас выполняет важное задание. Он не может прийти, - сухой, лишенный эмоций голос Яшамару пугал. Канкуро даже представить не мог, каково это потерять близнеца, фактически часть себя. И ведь Яшамару не мог не знать к чему все идет, он пытался переубедить сестру, заставить отказаться от убивающего её ребенка. Но Карура была неумолима. Она всегда слушалась своего мужа, а муж потребовал наследника.

"Отец не придет. Ему плевать на неё", - отчетливо понял Канкуро.

Нет. Канкуро больше никогда не назовет этого человека так. Раса. Кадзекаге. Сэр. Но не отцом. Но не мужем! Но не человеком!!!

"Пожертвовать ребенком и спасти жизнь жены, почему он не поступил таким образом? Зачем он потребовал от неё рожать еще одного ребенка? Разве медики не говорили ему, что её организм еще не восстановился после моего рождения?! Зачем?! Зачем он заставил её идти на такой риск. Надеялся на чудо?!" – вспомнились мальчику споры дяди и мамы.

Внутри Канкуро вскипела злость.

- Что... что теперь с ней будет... - дрогнул его голос.

- Мама сейчас проснётся, она сейчас проснется, и мы пойдем домой играть в кукольников и лесных демонов! С ней ничего не будет, мы пойдем домой... - повторяла раз за разом сестра. У неё случилась самая настоящая истерика.

Яшамару был не в состоянии её успокоить. Более того все его попытки это сделать провоцировали усиление истерики.

Злость ушла из души Канкуро, стоило ему услышать крик сестры. Сделав неловкий шаг к ней, мальчик заключил Темари в слабые объятия. Вдруг сердце защемило, из глаз брызнули слезы, и он в голос разревелся.

"Я же обещал себе и ей больше никогда не плакать", - билась в сознании мысль, но Канкуро никак не мог остановиться. Плакал, нет, ревел.

Так они и стояли с сестрой рядом с телом матери и ревели в голос. В какой-то момент силы покинули Канкуро, он пошатнулся и завалился на сестру. Сознание, перегруженное эмоциями, не выдержало. Мальчик чуть было не упал в обморок, но Яшамару вовремя среагировал и использовал на Канкуро одну из техник лечения.

- Братик, что с тобой. Братик ты ведь не уснешь, как мама? – первое, что услышал Канкуро, очнувшись от мгновенного обморока.

Маленькая девочка с большими зелеными глазами вцепилась в него своими острыми пальчиками и трясла, как куклу.

- Чан-чан, я не хочу спать, - только и смог сказать он. И тут же был обнят. Было больно и тепло.

- Темари-чан, отпусти Канкуро-куна, не дави его так сильно, - еле отцепил дядя сестру от Канкуро.

Взял мальчика на руки, а девочку прижал к себе свободной рукой.

Яшамару, Канкуро и Темари, были единственными людьми во дворе. Позже сюда придут все желающие проститься с Карура, друзья, дальние родственники и просто знакомые. В их присутствии женщина будет кремирована, Яшамару соберет её прах и отнесет на границу селения, где и развеет на ветру.

Но подобным должен был заниматься не он. Раса, вот чья обязанность отправить женщину в последний путь.

Но Раса так и не пришел. Он был занят чем-то очень важным. Чем-то важнее его семьи.

<http://tl.rulate.ru/book/27130/566536>